

Лященко Максим Николаевич

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В МОНТЕНИЗМЕ

В статье выявляются метафизические основания смертной казни через отношение монтенизма к феномену смерти. Автор, применяя ценностно-экзистенциальный подход, приходит к мысли, что пока в любой системе будет растворено личное бытие, и не будет учитываться личностно-экзистенциальное измерение, практика смертной казни будет действовать и применяться как защитный механизм системой, "включающийся" ею с целью сохранения себя, гармоничного и устойчивого своего существования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 110-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

заданных Космосом. Таким образом, политика признавалась высшим искусством, предустановленной гармонией, способной воплощать в социальном бытии калокагатийную триаду «Красота, Добро, Истина».

В философской традиции Древней Греции ярко выражены неразрывное единство и глубокая взаимосвязь «эстетического» и «политического». Политическая сфера жизни древнегреческого общества понимается как объективная космическая реальность, в которой личность пребывает через красоту и гармонию чувственного мира. Человек как частица полиса через формирование красоты и гармонии в себе стремится к гармонии социального бытия. Это позволяет говорить об эстетической основе как политических, так и антропологических взглядов античных мыслителей. Таким образом, полис и личность представляют собой единое и неразрывное целое. Политика как согласие человека с космосом лежит в фундаменте общественного устройства и выступает средством гармонизации социального пространства.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
3. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
4. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
5. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русском переводе: крат. изд-е / подгот. С. Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
7. Коломиец Г. Г. Ценность музыки: философский аспект: монография. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. 579 с.
8. Лосев А. Ф. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
10. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. 2-е изд-е. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 266 с.

POLITICS AS MEANS FOR HARMONIZATION OF SOCIAL SPACE (BY THE EXAMPLE OF THE ANCIENT GREEK SOCIETY)

Lyashenko Pavel Vasil'evich
Orenburg State University
lyashenkovpavel@rambler.ru

The article is devoted to analyzing politics in the context of the philosophical tradition of ancient Greece. Special attention is paid to the category of politics coming out as the basic means for the harmonization of social space developed according to cosmic nature. The paper emphasizes the esthetic foundations of political art, which argue for the fact that politics should be implemented in accordance with the metaphysical principles of Harmony and Beauty.

Key words and phrases: politics; harmony; beauty; esthetics; cosmos; social space; polis; the ancient Greek philosophy.

УДК 111.1:343.25

Философские науки

В статье выявляются метафизические основания смертной казни через отношение монтенизма к феномену смерти. Автор, применяя ценностно-экзистенциальный подход, приходит к мысли, что пока в любой системе будет растворено личное бытие, и не будет учитываться личностно-экзистенциальное измерение, практика смертной казни будет действовать и применяться как защитный механизм системой, «включающийся» ею с целью сохранения себя, гармоничного и устойчивого своего существования.

Ключевые слова и фразы: смерть; смертная казнь; монтенизм; природа; судьба.

Лященко Максим Николаевич, к. филос. н.
Оренбургский государственный университет
Megatax82@rambler.ru

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В МОНТЕНИЗМЕ[©]

Философская эпистемология эволюционировала от познания мира к познанию человека. В конечном итоге, эти две взаимосвязанные познавательные доминанты были разграничены научной рефлексией. Сегодня проблемы человека и его бытия рассматриваются вне метафизического контекста. Их изучение упирается в рассмотрение этико-правовых оснований или культурно-исторического контекста, так сказать, с одного конкретного научного ракурса. Такая позитивистская установка подавляет философскую инициативу в исследованиях такой проблемы как смертная казнь, тем самым отказывая разуму опуститься на предельную

онтологическую глубину, которую не в силах достичь ни одна научная метода. Поэтому объяснение и понимание устойчивого характера танатологического механизма смерти, каким является смертная казнь, закономерно отсылают нас к философскому опыту осмысления этого феномена.

Таким опытом выступит монтеизм – философское учение М. Монтеня. С философской точки зрения, тема смертной казни как одного из танатологических механизмов, по мнению Монтеня, всегда будет оставаться в центре человеческой рефлексии, так как на кон бытия поставлено его собственное существование. Позже А. Шопенгауэр скажет: «Едва ли даже люди стали философствовать, если бы не было смерти» [7, с. 81]. Таким образом, смерть является причиной активации философского разума. Необходимость размышления о смерти диктуется и практической потребностью – избавления от страха смерти. Вся «мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти» [4, с. 103]. Эту же цель ставила и античная культура в лице эпикурейцев и стоиков. Для античного ума, как и для Монтеня, философия представляет собой лечебную терапию, направленную на оздоровления человека и его разума. Поэтому «все философские учения встречаются и сходятся в этой точке» [Там же, с. 105].

Само достоинство человека заключается в том, что он существо, способное осознавать и осмысливать не только все сущее, но и свое бытие. Именно это не позволяет отвернуть свой взгляд от смерти. «Лекарство, применяемое невежественными людьми, – это вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой» [Там же, с. 106]. Человек не животное, он иницируется за пределы своего «бренного Я», преодолевая свое наличное бытие и представляя свои будущие состояния (посмертное существование). «В этом –Я» живет мышление, чувствование и воление. Для него непереносима мысль, что это –Я» будет уничтожено. Прежде всего человека интересует, сумеет ли он пронести это –Я» в смерть, и что случится с –Я» после смерти» [8, с. 108]. Монтень считает, что страх смерти живет в сознании человека, и избавиться от него можно только в одном случае, если смириться с фактом конечности человека как естественного существа.

В представлениях Монтеня смерть и жизнь есть природные процессы, которым человек подчинен как их органическая часть. Человек, как и все остальные «вещи», находится в целостном, закрытом и замкнутом круговороте природного бытия, являющимся самотождественным и вечным. «И если вы прожили один единственный день, вы видели уже все. Каждый день таков же, как все прочие дни. Нет ни другого света, ни другой тьмы. Это солнце, эта луна, эти звезды, это устройство вселенной – все это то же, от чего вкусили пращуры ваши и что взрастит ваших потомков» [4, с. 118]. Другими словами, природа является неизменным и устойчивым порядком, в котором все подчиняется его законам. Потому смерть как природный закон неизбежна для человека и всего находящегося в природе [Там же, с. 105].

Природа дает и отнимает жизнь у человека, совершая равноценный обмен по законам гармонии и справедливости. «Смерть одного есть начало жизни другого» [Там же, с. 117] или «освободите место другим, как другие освободили его для вас» [Там же, с. 119]. Совершаемый обмен природой всегда справедлив и «законен», так как она не переступает положенной себе меры. «Никто не умирает прежде своего часа. То время, что останется после вас, не более ваше, чем то, что протекало до вашего рождения...» [Там же, с. 120]. Другими словами, природа всегда ставит законный предел «вещам». Для Монтеня, как и для античного ума, нет разницы между человеком и любой другой «вещью», кроме того, что он разумен. Все они частицы огромного целого (природы). Это и дает природе основания «распорядиться» всем в себе. «Где бы ни кончилась ваша жизнь, – утверждает Монтень, – там ей и конец» [Там же]. Таким образом, существование смертной казни метафизически оправдано тем, что она представляется одним из проявлений природного механизма смерти, который ставит справедливый предел существованию человека.

Природа выступает как всеобщее и тотальное основание любого бытия. Для пантеистической установки Монтеня характерно отождествлять бытие природы и бытие всех «вещей», в том числе и человека. «Из всего – одно, из одного все» [6, с. 199]. Поэтому органически человек связан с природой, она не за границами бытия человека, а в нем самом. Так, и жизнь, и смерть не только в природе (за границами бытия человека), но и внутри него. «Неужели ради вас стану я (*Природа – М. Л.*) нарушать дивную связь вещей? Раз смерть – обязательное условие вашего возникновения, неотъемлемая часть вас самих, то, значит, вы стремитесь бежать от самих себя. Ваше бытие, которым вы наслаждаетесь, одной своей половиной принадлежит жизни, другой – смерти. В день своего рождения вы в такой же мере начинаете жить, как и умирать...» [4, с. 118]. Природа – это тотально самоспрограммированная система, которая пронизывает и охватывает человека не извне, а изнутри, представляя его сущность, т.е. действуя как внутренняя причина явления. Прав М. К. Мамардашвили, указывая, что природа тирана такова, что он непременно будет одинок, так как распугал всех своих друзей. «Абсурдно говорить о том, – пишет М. К. Мамардашвили, – что тиран все-таки мог поостеречься и не разгонять друзей, одиночество – натура тирана, и последующая цепь событий может быть изменена только изменением природы самого тирана» [3, с. 46]. Что представляется для греков невозможным. Можно переступить через себя, другого, но не через свою природу, так как это твое истинное бытие.

Концепты «природы» и «судьбы» отождествляются у М. Монтеня. Природа определяет судьбу каждого человека. Природа в виде судьбы предстает как суперпрограмма, в соответствии с которой всем «вещам» отводится определенное место и определяется срок. Судьба предстает как «распорядок вещей и структура бытия» [1, с. 142, 143]. Таким образом, природа «встраивает» человека в свои пределы, его конституирует, программирует, ставя ему сроки, которые он не в силах изменить. «Еще до завершения сроков твоих, жизнь твоя уже завершилась» [4, с. 121]. Человек только и может, что жить в горизонте природы, т.е. в горизонте деперсонифицированных природных процессов. То, что уготовлено судьбой, неизбежно, часть никогда

не может изменить целое (природу): «Эсхил, которому было предсказано, что он погибнет раздавленный рухнувшей кровлей, мог сколько угодно принимать меры предосторожности, все они оказались бесполезными, ибо его поразил насмерть панцирь черепахи, выскользнувший из когтей уносившего ее орла» [Там же, с. 108]. Он только и может, что молча принять порядок и свою судьбу. Судьба парализует человека, делая его пассивной экзистенцией, не знающей возможности выбора и возможности изменить что-либо. «Если бы смерть была подобна врагу, от которого можно убежать, я посоветовал бы воспользоваться этим оружием трусов» [Там же, с. 109]. Человек запрограммирован в своих действиях и поступках. Его смерть предопределена. И если ему суждено быть казненным, умерев от руки палача, то это законный исход его жизни.

Для переходного периода от эпохи Возрождения до зарождающейся культуры Нового времени символично принимать бытие трагично. Трагедия бытия заключается в разрыве связей между человеком и природой («первожественной гармонией»). Мышление Монтеня фиксирует попытки человека выделиться из десакрализованной природы и противопоставить ей себя, заявляя о себе как о внеприродном или надприродном существе. «Развернувшаяся» бесконечность природы заставила человека ощутить одиночество, заброшенность и бессмысленность своего бытия в этом мире. И как следствие – принятие незначительности и беспомощности своего бытия. Отсюда рождается и страх перед смертью, за которым лежит более глубокий страх – страх перед небытием. Автономное существование человека невозможно, его свобода мнима, а вера в разум человека, которую вселял Ренессанс, для Монтеня сомнительна.

Гносеологический скептицизм Монтеня фундаментирует познавательную несостоятельность разума, который не может выявить «программу» функционирования вселенной и действующего в нем механизма смерти по причине утраченного тождества с природой. «В самом деле, и стар и млад одинаково сходят в могилу. Всякий не иначе уходит из жизни, чем если бы он только вступил в нее» [Там же, с. 107]. Но, в отличие от античного ума, который считал, что «судьба – это путь от неведомого к неведомому и произвольная причина рокового деяния» [5, с. 427], Монтень говорит об объективной невозможности разума познать программу, в соответствии с которой смерть осуществляет свой выбор. С другой же стороны, и перестать размышлять о ней не может человек (его сознание по природе интенционально-предметно). Напротив, он должен размышлять до крайней точки, в которой человек увидит естественный процесс, которому подвержены все вещи. Смирение с этим положением позволит человеку презреть смерть, что придаст нашей жизни «спокойствие и безмятежность» [4, с. 105].

В конечном итоге, французский философ приходит к мысли о смирении перед природной необходимостью. Он только может психологически (душевно) облегчить себе существование, но никак не более. И потому необходимо чаще размышлять о смерти, чтобы «приучаться к ней». «Присмотрись лучше к тому, что окружает тебя, обратись к своему личному опыту. Если исходить из естественного хода вещей, то ты уже долгое время живешь благодаря особому благоговению неба. Ты превысил обычный срок человеческой жизни. И дабы ты мог убедиться в этом, подсчитай, сколько твоих знакомых умерло ранее твоего возраста, и ты увидишь, что таких много больше, чем тех, кто дожил до твоих лет» [Там же, с. 107].

Смерть и жизнь всецело являются безличными процессами, которыми охвачены все «вещи» в природе. В круговороте жизни и смерти личное бытие растворяется и теряет всякое значение. Поэтому «ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни...» [Там же, с. 117]. В мысли Монтеня о равенстве всех людей перед смертью отражается идея аксиологической неценности человеческой личности, которая ставит знак равенства между человеком и «вещами» в природе. Человеческая жизнь ничтожна, его бытие ничто перед вечностью природы. «Кто же из нас не рассмеялся бы, если б при нем назвали тех и других счастливыми или несчастными, учитывая срок их жизни? Почти то же с нашим веком, если мы сравним с вечностью...» [Там же].

В этом природном круговороте жизнь и смерть становятся эквивалентными, тождественными понятиями. «Я (*Природа – М. Л.*) внушила Фалесу, первому из ваших мудрецов, ту мысль, что жить и умереть – это одно и то же. И когда кто-то спросил его, почему же, в таком случае, он все-таки не умирает, он весьма мудро ответил: —Именно потому, что это одно и то же» [Там же, с. 121]. Показательно, что Монтень не покидает ощущение, что смерть всегда рядом с нами и каждый миг нас подстерегает. «Наблюдая столь частые и столь обыденные примеры этого рода, можем ли мы отделаться от мысли о смерти и не испытывать всегда и всюду ощущения, будто она уже хватает нас своей цепкой рукой» [Там же, с. 109]. Для Монтеня смерть не «вторжение», исходящее из чего-то «Другого» (онтологически и топологически далекого). Это и есть его подлинная природа, т.е. топологически близкое и внутренне-бытийное.

Ошибочно предполагает М. Монтень, что размышлять «о смерти – значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот научился быть рабом. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь – не зло» [Там же, с. 110]. Несопrotивление и принятие смерти, предлагаемые в стоическом духе М. Монтенем, – разве это выход? Это не выход, это только кажущийся выход, мнимый выход, который как будто предлагается человеку, и как будто он его выбирает. На самом деле это выбор «чужой», сделанный за человека. По сути дела, обстоятельства «выдавливают» человека, и он принимает смерть или от себя самого (самоубийство), или от порядка бытия (смертная казнь), примиряясь со своей участью. Главной причиной деструкции личного бытия остается порядок, отстаивающий себя и отрицающий нечто лично независимое и свободное (человека как личность). Природа (порядок) торжествует, уход человека в небытие на самом деле оборачивается проигрышем личности, которая уступает наличному порядку, прибегая к смерти как к последнему средству. Ведь смерть – это тот же механизм, заложенный в порядке, который активизируется и запускается ей для уничтожения бытия личности. Свобода «здесь-в-бытии», а не в ином бытии, за границами этого мира. Поэтому индивиды, обрекающие другого человека на смерть, оказываются, прежде всего, сами пассивными экзистенциями, так как являются слепыми орудиями наличного порядка бытия. И это сознательное решение самих индивидов.

Смерть человека неизбежна как неизбежность появления и пребывания всех «вещей» в границах природы. Природа полностью и всецело детерминирует человека. Монтень, как и Эпикур, оставляет человека «инертным», бессильным перед природой (системой), неспособным трансцендировать за ее границы [1, с. 137].

Таким образом, анализ танатологических оснований смертной казни показывает, что существование этого института метафизически оправданно и закономерно в силу того, что человек мыслится «включенным» в системные процессы, которые тотально детерминируют его существование. Личность в монтенизме предстает в виде пассивной экзистенции, устранение которой предусмотрено существованием и устройством самой системы.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд-е, испр. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
2. Лященко М. Н. Смертная казнь как «низложение» человека до «простейшей природы»: анализ просветительского деизма Эпикура // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48). Ч. II. С. 135-138.
3. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 248 с.
4. Монтень М. Опыты. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Кн. 1. 560 с.
5. Платон. Определения // Платон. Диалоги / пер. с древнегреч., сост., ред. и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; авт. примечания А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. 607 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
7. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
8. Штайнер Р. Вопрос воспитания как социальный вопрос. Спиритуальные, культурно-исторические и социальные основы педагогики вальдорфской школы. Калуга: Духовное познание, 1982. 112 с.

THANATOLOGICAL GROUNDS OF DEATH PENALTY IN MONTAIGNISM

Lyashchenko Maksim Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Orenburg State University
Megamax82@rambler.ru

The article reveals the metaphysical grounds of death penalty through the attitude of Montaignism to the phenomenon of death. The author, using value-existential approach, comes to the conclusion that as long as private being is decomposed in any system and personal-existential dimension is not taken into account, the practice of death penalty will act and be applied as a protective mechanism by the system –switching it on” in order to save itself and its harmonious and sustainable existence.

Key words and phrases: death; death penalty; Montaignism; nature; fate.

УДК 141.7

Философские науки

В статье анализируется проблематика сознания в контексте её значимости для изучения искусственного интеллекта. Автор рассматривает современные подходы к проблеме сознания и выделяет характерные черты и отличия естественного и искусственного интеллектов. На основе изучения данной проблематики автор строит несколько предположений о значении технологии искусственного интеллекта для будущего как человечества в целом, так и индивидуальной личности.

Ключевые слова и фразы: искусственный интеллект; сильный искусственный интеллект; сознание; проблема сознания; физикализм; функционализм; трансгуманизм; информационное общество.

Маковкин Александр Сергеевич

Воронежский государственный университет
kolbasungames@gmail.com

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[©]

Может ли машина иметь сознание? С одной стороны, современные компьютеры способны выполнять сложнейшие арифметические задачи, для решения которых биологическим существам необходимо наличие сознания. С другой стороны, очевидно, что компьютерам не нужно сознание для того, чтобы сложить два плюс два. Может ли у машины появиться нечто, что мы могли бы назвать сознанием? На протяжении многих лет этот вопрос является горячо обсуждаемым в естественно-научных и философских кругах. Может ли машина мыслить, чувствовать (иметь *qualia*) или даже превзойти человеческий разум? Все эти вопросы остаются открытыми.

Очевидно, что философское осмысление искусственного интеллекта неразрывно связано с исследованием и пониманием естественного интеллекта. Поэтому теоретическое соотнесение ИИ с ЕИ является необходимым условием для глубокого осмысления возможностей искусственного интеллекта и перспектив его развития.